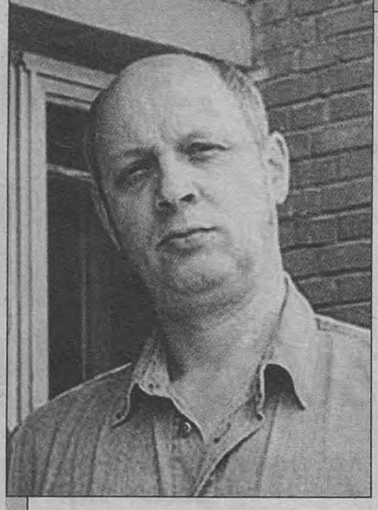


Василий ГОЛОВАЧЕВ:

Я ПОСЛЕДНИЙ РОМАНТИК ФАНТАСТИКИ

Комс. правда. – 1999 – 29 нояб. – с. 36

Редко мы берем интервью у писателей, хотя и понимаем, что это несправедливо. Ну ведь правда - безобразие: «инженеру человеческих душ» надо выше головы прыгнуть, чтобы мы про него написали. Вот Василий Васильевич Головачев и прыгнул: он стал самым тиражным отечественным фантастом. Тиражи его книг шагнули за миллион, а это, согласитесь, о многом говорит

- Фантазировать в детстве любят все. А когда, интересно, становятся писателями-фантастами?

- Писать я начал, когда учился в Рязанском радиотехе. Сначала - маленькие рассказы в местных газетах. Первый роман «Реликт» начал где-то на четвертом-пятом курсе и писал его почти двадцать лет. Даже помню, когда я после института сразу распределился в армию, мы поехали на Дальний Восток жить. И вот в поезде семь суток все время писал.

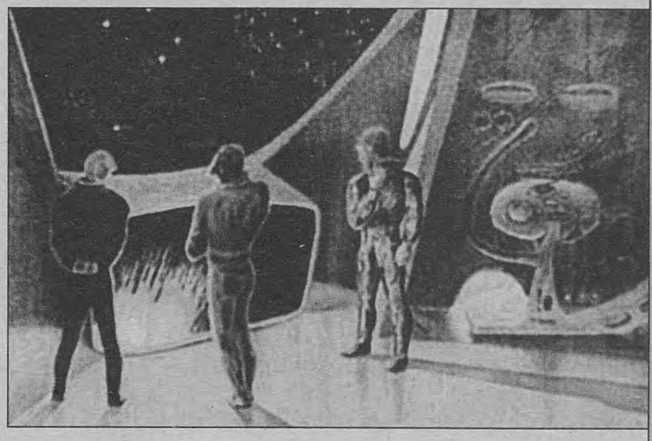
Я фантастику и сказки всегда любил. Гофмана, братьев Гримм, Бажова. И это детское увлечение перешло на фантастику. Это одно из самых острых впечатлений: уход в миры, в которых никто никогда не ходил.

Первая моя книжка вышла в 1979 году. Мне был 31 год. Некоторые писатели начинали рано, а у меня разбег был очень длинный. Но зато успешный.

- Что для вас самое трудное в работе: находить новые сюжетные ходы? Разрабатывать характеры? Или что-то еще?

- Мне неинтересно просто тиражировать то, что я уже создал. Ведь приключения можно писать хоть левой, хоть правой ногой. Бесконечно. Но это не главное. Нужна идея, которая бы делала значимой работу как таковую. Только так я люблю писать.

Вот сейчас я закончил один роман, а у меня уже есть сногсшибательные задумки на три новых. Я их не успеваю воплощать, поскольку очень тяжело вписываюсь в каждый новый роман. Приходится вкладывать всю душу: очевидно, я последний романтик фантастики. Читая современных писателей этого жанра, понимаю, что они более меркантильны, более мелки, более сексуальны, если хотите, даже порнографичны. Не понимаю, почему вся эта грязь вдруг выплеснулась на страницы фантастики. Мои герои всегда были и остаются изначально чистыми. Да, они делают ошибки. Но все равно они изначально сами по себе романтики.



- А откуда ваши герои? Есть ли у них прототипы?

- Скорее всего, это собирательные образы. Конечно, каждый раз, начиная думать над героем, я беру его по большей части из той среды, которая сделала меня. В принципе это я сам в урезанном варианте с добавками черт других реально существующих людей.

- Многие писатели говорят, что их герои могут выйти из-под контроля автора. У вас такое случается?

- Такого уж совсем бесконтрольного поведения не бывает. Все же я как-то планирую сюжет. Развитие идет по нарастающей, и герои редко выходят из повиновения. Но тем не менее само повествование в большинстве случаев начинает вести меня. Я уже не могу, скажем, отклониться в ту или иную сторону. Характер уже не переломить. Ломки сюжета у меня очень редки. Это касается ранних вещей, когда я дописал до конца и вдруг видел: все фигня, ничего не нравится. Тогда я садился переделывать.

- Чем объясняется ваш интерес к славянской мифологии, прямо скажем, нетипичный для писателя-фантаста, устремленного в будущее?

- Главное сейчас для меня - это прорыв в те пласты знаний, которые были когда-то утеряны. Я начинаю работать и над славянскими мифами, и над нашей историей. То, что было даже двести лет назад, мы уже не знаем, не говоря о тысячелетии.

История Руси и России настолько фальсифицирована, что меня это задевает как фантаста и как личность, которая хочет знать правду. И я пытаюсь найти какие-то варианты, которые тоже могли бы затронуть моих читателей и заставить их думать. Я пытаюсь заставить людей пойти дальше, чем я.

- Даже истории, оказывается, верить нельзя. А чему можно? И нужно ли вообще человеку во что-то верить?

- Есть разные подходы к термину «вера». Одни говорят, что вера нужна тем, кто не хочет думать о будущем и о прошлом. Им так легче жить. Другие говорят, что без веры не будет духовного развития человека. Мне кажется, верить можно и нужно. Скажем, в то, что Россия выйдет из череды невзгод, а мы будем великим народом. Верить надо, но в то же время надо что-то делать. А у нас верующих все больше, а дел все меньше. Мы ждем, когда придет мессия. Все проблемы начинаются с того, что мы хотим изменить всех, но только не себя.

По сути дела, все мои произведения, несмотря на ту жестокость, которая в них присутствует, позитивны. Моим героям можно сочувствовать, поскольку они овладевают воинскими искусствами не ради убийства, не ради властвования над другими, а чтобы поставить наглеца на место, добиться какой-то цели, защитить себя, своих друзей. И это всегда воспринималось читателями как позитивное. Именно поэтому, если есть надежда, если есть герой, которому можно сочувствовать, которого можно полюбить, то вещь читается легко, просто.

Интервью записал Павел КОРЧАГИН.

Фото и рисунки использованы с любезного разрешения Василия Васильевича ГОЛОВАЧЕВА.

Из досье «КП»

Василий Васильевич Головачев родился 21 июня 1948 года в городе Жуковке Брянской области. В 1972 году окончил Рязанский радиотехнический институт по специальности инженер-конструктор радиоэлектронной аппаратуры. Член Союзов писателей России и Украины с 1983 года. Автор пятнадцати романов и десятка повестей. В 1992 году роман «Вирус тьмы» был удостоен первой издательской премии «Золотой змей» (Москва).

Наиболее известные произведения: романы «Реликт» (в шести книгах), «Черный человек», «Особый контроль», «Бич времен», «Схрон», сериал «Запрещенная реальность» (пять романов), «Вирус тьмы», «Человек боя»; повести «Калиюга», «Заповедник смерти», «Пираньи», «Консервный нож», «Отклонение к совершенству». Две свои книги иллюстрировал сам.

Мастер спорта по волейболу. Женат, двое детей. Сейчас живет в Москве.